

подробные таблицы правил чтения и буквенных обозначений фризских звуков с учетом последних орфографических сводов (с. 114—123).

Далее авторы переходят к анализу особенностей морфологического уровня (с. 123—159). Именная и глагольная парадигматика свидетельствуют о тенденции современного фризского языка к аналитизму. Компаративистов, равно как и типологов, заинтересуют такие явления, как сильный и слабый генитив существительных, увеличение удельного веса аналитического способа выражения притяжательности, вариативность местоимений, исчезновение форм конъюнктива, спряжение глагола, употребление временных форм и др.

Краткий обзор словообразования (с. 159—163) включает анализ словосложения, префиксации, суффиксации и сокращения слов. У читателя складывается ясное представление об особенностях и удельном весе данных способов образования новых слов.

В разделе «Синтаксис» не представляется безупречным анализ словосочетаний (с. 163—164): авторы ограничились лишь кратким рассмотрением характера синтаксических отношений, не уделив внимания таким важным структурным параметрам словосочетаний, как способ выражения синтаксических связей, положение зависимого слова по отношению к стержневому. Значительно более удачным следует считать описание структурных особенностей предложения (с. 164—173), прежде всего порядка слов в простом и сложноподчиненном предложении. Здесь был бы уместен обзор словоупотребления в других германских языках.

С точки зрения практического изучения языка ценными и полезными представляются списки глаголов, тексты для чте-

ния и фризско-русский словарь (с. 174—195). В приложении хотелось бы видеть краткую суммарную характеристику типологически существенных признаков древнего и современного состояния фризского языка с позиций системы единиц сопоставительно-типологического анализа.

Думается что книга во многом бы выиграла, если бы в процессе изложения материала авторы уделили больше внимания типологии рассматриваемых периодов. Имеющийся положительный опыт применения сравнительно-исторического и типологического методов в их взаимосвязи (ср. [1—3]) дает основание утверждать, что при таком подходе наиболее полно реализуется диалектико-материалистический принцип всесторонности.

Разумеется, наши замечания ни в коей мере не снижают значения большой работы, сделанной авторами. Рецензируемая книга является заметным вкладом в германистику и дает импульс для дальнейшей разработки актуальных вопросов фризского языка и сравнительно-исторического языковедения.

Головин В. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин В. Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков). Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук в форме научного доклада. М., 1983.
2. Аракин В. Д. Сопоставительная типология скандинавских языков. М., 1984.
3. Расторгуева Т. А. История английского языка. М., 1983.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М.: Наука, 1984. 485 с.

Значительные успехи в изучении тюркских языков, достигнутые в нашей стране за последнее время благодаря вовлечению в круг исследований нового материала из памятников тюркской письменности и диалектов, требуют новых обобщений и уточнения сложившихся в тюркологии взглядов.

Эти задачи стоят перед подготавливаемым в Секторе тюркских и монгольских языков ИЯ АН СССР большим коллективным трудом «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», ко-

торый призван заменить вышедшие много лет назад четырехтомные «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков» (М., 1955—1962), подготовленные под руководством Н. К. Дмитриева, но вышедшие уже после его смерти (1954).

Если издание 50—60 годов представляет собой первый у нас коллективный опыт разработки отдельных проблем сравнительной грамматики тюркских языков на уровне отечественной тюркологии середины XX в., то нынешнее издание

задумано уже как цельное синтетическое обобщение исследований последней четверти века с полной характеристикой строя тюркских языков в его динамической изменчивости и географической привязанности.

Рецензируемая монография представляет собой первый (фонетический) том четырехтомного труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (следующие выпуски — «Морфология», «Синтаксис», «Лексика»), выполненный тюркологами ИЯ АН СССР и МГПИ имени В. И. Ленина в плане реконструкции фонетического строя тюркского языка и описания его эволюции в древних и современных языках-потомках.

Книга состоит из Введения (с. 3—15) и четырех неравномерных частей: «Вокализм» (с. 16—169), «Консонантизм» (с. 170—402), «Ударение» (с. 403—421), «Фономорфология» (с. 422—454); к ним примыкают: Литература (с. 455—469), список принятых сокращений, в том числе и библиографических (с. 470—475), и предметный указатель (с. 476—481), который значительно облегчает пользование весьма объемистой книгой.

Во Введении (автор — Э. Р. Тенишев) дается достаточно подробный обзор предшествующих попыток написания сравнительной фонетики тюркских языков у нас и за рубежом за последние столетия, когда в основном и создавалась современная тюркологическая наука; раскрываются задачи данного труда и показываются многочисленные источники, причем здесь учитываются как материалы самих тюркских языков в их древнем и нынешнем состоянии, так и разного рода многочисленные заимствования из них в других языках, а также данные современных алтайского, урало-алтайского и даже ностратического языкознания (последние лишь эпизодически).

Нельзя, однако, не отметить известной противоречивости в подходе к алтайской и другим подобным гипотетическим языковым общностям. Во Введении говорится, что родство алтайских языков, как и их неродство, не доказано и что «характер связей между ними остается неясным» (с. 12). Фактически же повторено и относительно языков урало-алтайской и ностратической общностей. Поэтому вполне естественным выглядит намерение авторского коллектива «реконструкцию» праформ давать только в пределах тюркской языковой системы», но с этим плохо согласуются желание «освещать отдельные узловых моментов (реконструкции или развития) производить с алтайских позиций, исходя из представления о родстве алтайских языков» (с. 12—13), как и конкретные реализации в основном тексте

монографии такой установки, согласно которой родство языков не доказано, но из него можно, тем не менее, исходить.

В разделе «К реконструкции пратюркского вокализма» (автор — Л. С. Левитская) довольно обширной первой части книги, посвященной вокализму, рассматриваются проблемы закрытого *e*, который у автора противопоставляется открытому гласному *ä* не только качественно, но также и количественно, будучи звуком долгим в отличие от краткого *ä*; выясняются проблемы происхождения «первичных» долгих и фарингализованных гласных, а также разных типов вариативности вокализма.

В кратком разделе «Пратюркский вокализм» того же автора устанавливается система из 16 членов:

<i>a</i>	<i>ä</i>	<i>o</i>	<i>ö</i>	<i>y</i>	<i>u</i>	<i>ü</i>	
<i>a:</i>	<i>e:</i>	<i>o:</i>	<i>ö:</i>	<i>y:</i>	<i>i:</i>	<i>u:</i>	<i>ü:</i>

Здесь количественные различия сопровождаются в отдельных случаях качественными. В примыкающем сюда разделе «Репрезентация пратюркских гласных в современных языках и диалектах» (автор тот же) учитывается диахроническая изменчивость тюркских гласных в разных условиях, как в результате их взаимодействия между собой, так и с соседними согласными.

Важная для агглютинативных языков, какими являются, тюркские, проблема анлаута частично отражена в разделе «Общетюркские начальные гласные» (автор — Л. А. Покровская), где имеются некоторые расхождения в реконструкции анлаутного тюркского вокализма с предшествующими разделами, написанными Л. С. Левитской, и выделяется противопоставленная лишь только по количеству пара *e* — *e:* (вместо *ä* — *e:* у Л. С. Левитской). В других частях книги расхождения между разными разделами оказываются еще более значительными, и эти расхождения часто никак не оговариваются, хотя налицо и различие в терминологии, а иногда и неодинаковая трактовка истории тюркской фонетической системы.

Подробное описание гласных в кыпчакских языках Среднего Поволжья дается в разделе «Синхроническая и диахроническая характеристика башкирского и татарского вокализма» (автор — А. А. Юлдашев), которым завершается первая часть («Вокализм»). Этот раздел стоит особняком в книге, представляя собой своеобразный отдельный экскурс, не имеющий аналогий, поскольку в других разделах ни доволжско-тюркские, ни другие группировки языков не выделяются для индивидуального рассмотрения особенностей их фонетики.

В самой обширной части («Консонантизм»), которая распадается на шесть разделов, для ранней стадии праязыка устанавливается система согласных с господством глухих: *p, t, k, q; s; j; ě; l; r; m, n, ŷ (?)*. В эту систему для поздней стадии тюркского консонантизма дополнительно были включены согласные *b; ě; ʁ, ʁ'*¹, которые знаменуют предполагаемое авторами озвончение некоторых согласных звуков. Кстати, автор введения к «Консонантизму» (с. 170—171), где постулируются обе пратюркские системы согласных (более ранняя и поздняя), почему-то не назван, как и само это введение.

Раздел «Смычные согласные и спиранты» (следовало бы сказать: шумные смычные и заднеязычные спиранты) написан Н. З. Гаджиевой. В нем дается общая характеристика трех этапов развития тюркских согласных: раннее пратюркское состояние, позднее пратюркское состояние и состояние после распада тюркского праязыка. Смычные *p, b; q, k, g; t, d* рассматриваются в позициях начала, середины и конца слова, в составе аффриксов, а также перед ними. Из спирантов в этом разделе исследуются лишь заднеязычные *ʁ, ʁ'*, а остальные *s, š, ž, θ, δ* (уже под названием щелевых) анализируются в разделе «Щелевые согласные и аффрикаты» (автор — Э. Р. Тенишев), а последних почему-то выделяется только три: *ě, ž, c*.

К сожалению, весьма скромно представлена история специфически региональных согласных *θ, δ* и *h* (последний вообще не рубрицирован особо), относительно исконного либо инновационного происхождения которых не утихают дискуссии.

В то же время границы между исконными, первичными явлениями и явлениями вторичными, или инновациями, применительно к фонетике тюркских языков выглядят порой достаточно зыбкими и условными. В частности, то, что представляется вторичным, может, во всяком случае, оказаться весьма древним, и наоборот. Уже поэтому таким, условно говоря, «инновациям», получившим широкое распространение среди тюркской языковой семьи, должно уделяться гораздо больше внимания, чем это наблюдается в рецензируемой монографии. Так, система сильных аспирированных и слабых согласных, охватывающая многие современные тюркские языки и характерная также для древнетюркских памятников, практически только упомянута при описании реконструкции одного из соглас-

ных (с. 180). Наличие подобной системы в части этих языков пытаются объяснить иноязычным (в частности, китайским) влиянием, что далеко не бесспорно и уже вызывало возражения (см., в частности [1]). Скорее всего, сильные и слабые согласные — древнее явление, характеризующее в основном огузские языки, как древние, так и современные.

В двух специальных разделах «Соответствие *j ~ ž ~ ě*» и «Соответствие *j ~ ě ~ n ~ n'*» (автор обоих — Э. Р. Тенишев) фактически рассматривается проблема звука *j*, который из разных источников в разное время и в разных условиях возникал в тюркских языках, имея в них неодинаковую и довольно сложную судьбу.

В разделе «Сонанты» (автор — К. М. Мусаев) прослеживается судьба смычных (*m, n, ŷ, l*) и дрожащего (*r*) сонантов в различных звукосочетаниях (в содержании ошибочно: буквосочетаниях).

Завершается большая часть, посвященная консонантизму, разделом «Протетические согласные» (автор — Н. А. Баскаков), где характеризуется лабиальная и палатальная протезы вместе с анлаутным согласным *h*.

Довольно компактная акцентологическая часть книги «Ударение» (автор — В. Д. Аракин) характеризует ударение общетюркского праязыка как силовое (динамическое), дававшее на начальный слог слова и переместившееся затем на последний слог тюркского агглютивного слова.

Заключительная довольно лаконичная часть труда «Фономорфология» состоит из двух разделов: «Структура слова и слога» (автор — Н. А. Баскаков) и «Сингармонизм тюркского слова» (автор — А. А. Ковшова). В первом из них дана подробная классификация типов слогов, представленных в тюркских языках, а во втором сингармонизм исследуется на уровне корня, производных основ и словоформ.

Несмотря на то, что своеобразные явления начала, середины и конца слова неоднократно затрагиваются и освещаются на страницах рецензируемой книги, как и в ряде предшествующих исследований по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков, в связи с историей отдельных звуков (гласных и согласных), обобщенной характеристики всех явлений анлаута, инлаута и аулаута в тюркском слове здесь, к сожалению, не приводится, а это необходимо для полноты характеристики тюркской фонетики. Аналогичным способом требуют обобщения и материалы по разному рода преобразованиям сочетаний согласных и гласных, разбросанные по всей

¹ Звук *ʁ'* в табл. 2 (с. 171) ошибочно включен в состав переднеязычных согласных.

жвиге. В части, посвященной «Фономорфологии», следовало бы ожидать рассмотрения истории звуков в зависимости от их положения в составе морфем, что эпизодически обсуждалось в связи с историей отдельных звуков.

Обилие материала с точными ссылками на источники позволяет читателю в любой момент проверить достоверность этого материала, что, впрочем, приходится делать далеко не часто. Но когда на с. 289 читаем: «Слово *haday*, „береза“ отмечено в Чистопольском р-не Татарской АССР, — то обращение к указанному здесь источнику (Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 г. Харьков, 1956. С. 151—154) позволяет выяснить, что речь идет о названии типично булгарского дерева на указанной территории, записанном более тысячи лет назад; факт, к сожалению, прямо в рецензируемой монографии не отраженный. Однако отсутствие указания на источник при следующих сведениях: «Тюркское заимствование в венгерском языке (первая фиксация в источниках 1395 г.): *katáng* ~ *katay* „береза“» (с. 290) — заставляет читателя проводить самостоятельные поиски, которые приводят к тому, что в венгерском языке действительно обнаруживается слово *katáng*, вероятно, тюркского происхождения, однако совсем с другим значением — «цикорий» и не имеющее никакого отношения к судьбе интервокального тюркского ряда соответствий $d \sim t \sim \bar{d} \sim z \sim r$ ² в тюркских названиях березы.

Недостаточность материала сказались и в разделе «Фарингализация гласных» (с. 48 и сл.). Как известно, явление «фарингализации гласных» отмечено в тувинском и близкородственном ему тофаларском языках. При этом в том и в другом языке фарингализация имеет свои особенности, хотя едва ли могут быть сомнения в единстве ее природы. Согласно правилам тувинской орфографии, фарингализованные гласные на письме отражаются лишь в немногочисленных случаях. Отчасти по этой причине масштабы распространения данного явления в тувинском языке, как и другие его параметры, исследователям не всегда оказываются ясны. Между тем, например, в указанном языке фарингализация охватывает тысячи слов, в том числе монгольские и русские заимствования (чего не отмечено на материале языка тофаларов).

Исходя из изученности этого явления

к настоящему времени, трудно согласиться, что исходным для тувинско-тофаларского консонантизма было противопоставление согласных по признаку звонкости/глухости, замененное затем оппозицией «слабые непродыхательные — сильные придыхательные» согласных, и что такое качество согласных обусловлено, в свою очередь, изменением качества гласных (с. 50—51). Имеющиеся данные свидетельствуют, что именно система сильных (придыхательных) и слабых согласных была в данном случае исходной (огузской по происхождению) и что, наоборот, частичное изменение этой системы и, в частности, изменение качества начальных согласных как раз и вызвало появление фарингализации гласных³. Эти изменения были обусловлены экстралингвистическим фактором, однако весьма сомнительно, чтобы таким фактором явилось воздействие енисейских и/или самодийских языков, степень влияния которых на тувинский и тофаларский исследователями традиционно преувеличивается⁴.

В некоторых, впрочем, редких случаях (например, на с. 255 раздела об аффрикате *c*) обнаруживается чисто количественная недостаточность материала для выводов, причем дается только материал, подтверждающий мнение автора, но не приводятся случаи, которые не вписываются в авторскую концепцию. Это тем более досадно, что в целом материал для построений в книге весьма обильный, что весьма выгодно отличает рассматриваемую фонетику от предыдущих итоговых справочников по тюркской фонетике.

Нельзя вместе с тем не сказать, что обилие материала и его тщательная систематизация в коллективной монографии дают основание по-иному, чем прежде, взглянуть на некоторые понятия тюркской фонетики, уже ставшие довольно привычными, каковыми, например, являются «первичные» или первичные (в книге отмечено и то, и другое написание) долгие гласные. Понятие это формулируется довольно туманно: «„Первичным“ долгими гласными принято называть такие, которые до сих пор не могли быть объяснены как результат трансформации (например, стяжения) какого-нибудь сочетания звуков» (с. 23).

В основу дефиниции, таким образом, кладется негативный признак ограниченности наших познаний относительно объекта исследования на сегодняшний день («до сих пор не могли быть объяс-

² Возможно, эта ошибка восходит к статье [2], где венгерскому тюркизму *katáng* «цикорий» также почему-то приписывается значение «береза» (правда, в этой статье слово дано без долготы второго гласного).

³ Из работ последних лет см. [3—5].

⁴ Более реальное (хотя и разное) представление о влиянии этих языков на звуковую строй тувинского и тофаларского отражено, например, в [6—8].

нены...), тогда как понятие «вторичные долгие гласные» определено через признак позитивного знания (см. с. 76). Иными словами, в том и другом определении вполне могут иметься в виду одни и те же явления и процессы в области фонетики. Не случайно при попытке объяснить происхождение «первичных» долгот мы встречаемся с «результатами раннего стяжения» (ср. определение) и с «результатами компенсирующего удлиннения» гласного. Последнее же явно сопоставимо с «фонологизацией» позиционно-комбинаторных долгот, в результате чего также образуются вторичные долгие, что подтверждается тождеством иллюстративного материала: и в случае «первичных», и в случае вторичной долготы дается (правда, с варьированием) один и тот же пример: как. *ti* : *r* «кожа» (<teri) (с. 44) и как. *te* : *r* «шкура» (<teri) (с. 76). Есть и другие примеры, когда одни и те же слова относятся и к тем, и к другим случаям.

В целом, исходя из имеющихся соображений относительно природы «первичных» долгот в тюркских языках, можно прийти к заключению о том, что это — явно вторичное явление, как раз и объясняемое различными трансформациями сочетаний звуков, имеющими неясную хронологию (см., в частности, с. 48 рецензируемого труда). При всем при том, как отмечено в другом месте, «несмотря на усилия нескольких поколений тюркологов, проблема происхождения первичных долгих гласных остается до сих пор нерешенной» (с. 105). Нерешенность же этой проблемы, возможно, объясняется тем, что само направление поисков было выбрано неверно, поскольку исследователи как бы молчаливо исходили из представления о первичности, изначальности указанного явления.

Краеугольным камнем теории «первичных» долгот является совпадение в ряде случаев туркменских и якутских долгот (также дифтонгов), отчасти подкрепляемое данными других тюркских языков. Но правильно ли в подобной ситуации принимать в расчет только общие, совпадающие моменты, практически не касаясь различий в характере долгот, не вникая в сущность этих различий? И можно ли, при нынешней степени изученности данного явления, полностью исключить возможность самостоятельного образования тех же туркменских и якутских «первичных» долгих гласных?

Нельзя, вероятно, считать случайным и то, что в современных тюркских языках (одних и тех же) существуют как «первичные», так и явно вторичные долготы (ср. данные якутского и отчасти туркменского языков). Выделяются и те и другие также в чулымско-тюркском, но образуют в нем настолько любопытную картину,

что, как сказано в «Фонетике», эти долгие гласные «вероятно, не являются прямым отражением системы общетюркских „первичных“ долгот» (с. 35). А может быть, сосуществование «первичных» и вторичных долгих в одних и тех же языках в определенной мере свидетельствует об общности их происхождения?

Приводимые в книге данные вызывают, скорее, сомнение в пратюркской и общетюркской принадлежности «первичных» долгот, чем ее подтверждают. В этом плане привлекает внимание следующее высказывание: «Древнее противопоставление кратких и долгих гласных могло быть региональным явлением. В пользу этого говорит тот факт, что оно прослеживается в языках с огузскими признаками...» (с. 23). Вполне допустимо, что такая система вокализма является огузской и по своему происхождению, хотя специфика ее развития в различных огузских языках вызвала появление в них долгот неодинакового вида, особенности механизма образования которых еще неясны. Даже в наиболее, казалось бы, очевидном случае, в случае явно вторичных долгот (специально характеристике которых в книге отводится всего одна страница, и то неполная!), в действительности многое оказывается совсем не ясным, и в частности, не разрешен и даже не поставлен вопрос, почему же все-таки эти долготы возникли. Без выяснения же такой причины ограничиваться констатацией того, что «в общетюркской фонетике интересно отметить лишь некоторые моменты их (вторичных долгот. — Д. И., Г. Т., Т. Б.) развития» (с. 76), явно недостаточно.

Терминология, принятая в книге, в целом отражает современное состояние тюркологии, хотя и склоняется больше к традиционной. В то же время авторы напрасно, на наш взгляд, отказались от канонизированных общей компаративистикой терминов «инициаль», «медиаль» и «финаль» для обозначения соответственно начального, среднего и конечного звуков любого слога — ср., с другой стороны, редко употребляемые в новейшей литературе «средние, медиальные звуки» на с. 211, которые даже в специальных словарях (к примеру, у Ж. Марузо) допускают по два и более толкования как гласные и согласные, среднерядные и полураскрытые, и т. д.

Коллективный труд девяти московских тюркологов, из которых четверо (Н. А. Баскаков, Н. Э. Гаджиева, А. А. Ковшова и А. А. Юлдашев) участвовали и в уже упомянутых «Исследованиях по сравнительной грамматике тюркских языков», достойно представляет традиции отечественной компаративистики, отражая в то же время и ее бесспорные

достижения, и стоящие перед ней серьезные проблемы.

*Добродомов И. Г., Гарипов Т. М.,
Татаринцев Б. И.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондратьев В. Г.* Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII—XI вв. Л., 1981. С. 22—23.
2. *Дмитриева Л. В.* Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области алтайских языков. Л., 1979. С. 145.
3. *Татаринцев Б. И.* Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1970. С. 89—90.
4. *Бичелдей К. А.* Фарингализованные гласные в тувинском языке // Звуковой строй сибирских языков. Новосибирск, 1980.
5. *Бичелдей К. А.* Фарингализация гласных в тувинских заимствованиях из монгольского и русского языков // Языки народов Сибири. Вып. 3. Кемерово, 1979.
6. *Наделяев В. М.* Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири: История и перспективы. Новосибирск, 1981. С. 15.
7. *Щербак А. М.* Опыт реконструкции слоговых акцентов в тюркском протоязыке // Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы. Л., 1981. С. 286—287.
8. *Janhunen J.* On glottalization in Sayan Turkic // Bulletin of the Institute for the study of North Eurasian cultures. Hokkaido University. 13. Sapporo, 1980. P. 35—37.

Русско-узбекский словарь ◇ **Русча-Ўзбекча лузат.** Ташкент: Главная редакция Узбекской Советской Энциклопедии. Т. I. 1983. 808 с.; Т. II. 1984. 800 с.

Современность и словаря. Рассматривая достижения нашей практической лексикографии с общих позиций, необходимо соотнести результаты этой работы с данными социологических и социолингвистических исследований (см., например [1] и др.). Примечательно в этой связи также высказывание Чингиза Айтматова о 50-60-х годах как о периоде подлинной зрелости культуры разноязычных народов СССР. [2]. Именно в это время во всех национальных республиках создаются большие академические филологические словари, которые, как известно, свидетельствуют о зрелости и зрелости национальных языков.

Успехи узбекской лексикографии в полной мере подтверждают это положение. В 50-е годы в Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР были созданы пятитомный (малоформатный) Русско-узбекский словарь (Ташкент, 1950—1955), однотомный Русско-узбекский словарь (М., 1954) и однотомный Узбекско-русский словарь (М., 1959).

Начало 80-х годов отмечено появлением новых крупных лексикографических трудов: двухтомного Толкового словаря узбекского языка (М., 1981) — первого толкового словаря в истории узбекского народа и нового двухтомного Русско-узбекского словаря.

Рецензируемый словарь отличается от предшествующих и ныне действующих главным образом тем, что его составители

и редакторы сделали безуспешную попытку реализовать в новом словаре идею акад. Л. В. Щербы о создании толкового словаря русского языка на национальном языке.

Тезис этот возведен в Словаре в принцип и для вящей наглядности вынесен в аннотацию: «Наряду с переводами, в необходимых случаях применены толкования, что приближает его к толковому словарю русского языка на узбекском языке». Суть данного тезиса излагается и в предисловии к Словарю: «Для раскрытия и передачи значений слов, обозначающих специфические русские реалии, а также значений научно-технических терминов, ... использованы в словаре толкования, объяснительные переводы, пояснения различного характера... Причем все эти средства... являются либо дословными переводами толкований и объяснений, имеющихся в толковых словарях русского языка, либо составлены на их основе» (с. 6).

Автор предисловия и редактор первого тома — Саид-Фозил Аюбиров, акад узбекской лексикографии, один из ведущих составителей и редакторов всех крупных филологических словарей, созданных с конца 40-х годов до наших дней в стенах Института языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР. Ему главным образом и принадлежат усилия по реализации в новом словаре идеи Л. В.